

12+

Вл.Г. Фалеев

Детство и школа (1932 - 1949) Стихи
разных лет

Владимир Фалеев

**Детство и школа. 1932—
1949. Стихи разных лет**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Фалеев В. Г.

Детство и школа. 1932—1949. Стихи разных лет / В. Г. Фалеев — «ЛитРес: Самиздат», 2020

В первой части книги увлекательно и живо рассказывается о детстве и школьных годах автора, пришедшихся на довоенные и военные годы. Современному читателю будет интересно узнать о бомбежках Москвы, жизни в эвакуации и в Москве военного времени.. В одной из глав автор описывает учебу, отдых и приключения советских ребят в Берлине и послевоенной Германии. Во второй части любознательный читатель найдет не только стихотворения самого разного содержания ("внутренние монологи", лирика, эпиграммы и др.), но и авторские комментарии к ним. Живые, с легким юмором, написанные прозой комментарии дают некоторое представление о жизненном пути и личности автора. Книгу с удовольствием прочтут люди разных возрастов и вкусов.

© Фалеев В. Г., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Часть первая	5
От автора	5
Глава первая. Раннее детство (1932–1939)	8
Глава вторая. Малая родина	28
Глава третья. Я иду в школу. Начало войны (1939 – сентябрь 1941 г.)	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Часть первая

Детство и школа

(1932–1949)

Памяти дочери моей Марины

От автора

В 2012 году издательство «Новые авторы» выпустило небольшим тиражом мою книжку «Мы уходим из сегодня в завтра». Она не предназначалась для продажи и была задумана как подарок моим родным и друзьям. В нее я включил стихи разных лет, сопроводив их краткими прозаическими комментариями. Это были воспоминания об отдельных периодах моей жизни, встречах с интересными людьми, некоторых событиях прошлых лет. Такое построение книги вызвало живой отклик читателей. Многие стали просить меня продолжить рассказы в прозе, и подготовить второе издание книги, пополнив ее новыми стихами. Моих друзей и знакомых особенно интересовали подробности моего детства, пришедшегося на предвоенные и военные годы. Об этом в книге я ничего не рассказал.

Положительная реакция читателей подсказала мне, что с выбором тиража я ошибся. Кроме того, с учетом современных реалий для расширения их круга необходимо было бы иметь электронный вариант книги. Я задумался над подготовкой ее второго издания.

Однако, как часто это бывает, «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается». Шли годы. Копились новые стихи, росло число моих новых знакомых, узнавших о книге и пожелавших ее получить. Даже работа над воспоминаниями о детских и школьных (военных и послевоенных) годах сильно затянулась. Серьезным поводом все же выполнить свое обещание стала славная дата – 75-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–45 гг.

Сейчас эта тема стала особенно актуальной в связи с попытками некоторых западных «горе-историков», а то и обычных провокаторов, исказить факты, очернить СССР и принизить значение нашей победы над фашизмом. Безусловно, в дополнение к огромному накопленному массиву воспоминаний о военных годах, защите исторической правды могли бы помочь новые рассказы ветеранов. Увы, годы их не щадят. Живых участников боевых действий становится все меньше. Но дополнить литературу о годах Великой Отечественной войны новыми воспоминаниями о жизни тыла по силам тем, чье детство прошло в этот период времени. Так в предлагаемой читателю книге появился рассказ о моей семье, детских и школьных годах.

Сравнительно недавно в нашем информационном пространстве появился термин «дети войны». Законодательно он пока не утвержден, но в любом случае речь идет о жителях СССР, которые родились в период с 1928 по сентябрь 1945 года. В контексте сказанного выше интересны возможности «детей войны» – а автор как раз относится к этой группе населения – поделиться своими воспоминаниями. Хотелось бы только в этом аспекте внести некоторые уточнения в сам термин, обратив внимание на нечеткость его определения.

Если отталкиваться от дат рождения, правильнее было бы назвать нас «дети военного времени», и вот почему. С моей точки зрения подлинные «дети войны» это те, кто испытал на себе ее ужасы непосредственно. Побывав на оккупированных фашистами территориях, в немецком плену, спасаясь от бомбежек и артобстрелов. Истинные дети войны – ленинградские блокадники. Их рассказы и воспоминания были бы бесценным вкладом в память о войне с фашистской Германией.

Но себя и многих моих ровесников я могу отнести к другой категории. Мы в достаточно полной мере испытали все тяготы военного времени, а я, как москвич, застал и бомбежки столицы. Как раз в моих очерках рассказывается и об эвакуации, о тяжелых условиях быта военного времени, о постоянном недоедании в те годы. Это тоже дает мне право считать описание моих военных и предвоенных лет посильным вкладом в летопись нашей истории.

Будут ли они интересны – судить вам, друзья. Мне же только остается надеется на высказывание Александра Ивановича Герцена в четвертой части «Былого и дум»: «Для того, чтобы писать свои воспоминания, не надо быть ни великим мужем, ни знаменитым злодеем, ни известным артистом, ни государственным человеком, – для этого достаточно быть просто человеком, иметь что-нибудь для рассказа, и не только хотеть, но и сколько-нибудь уметь рассказывать».

Хочется добавить к этой цитате еще одну. Это строчка из очерка замечательного русского и советского писателя, моего любимого Константина Георгиевича Паустовского о «дяде Гиляе» – журналисте и знатоке московского быта, «короле репортеров» В. А. Гиляровском: «Каждому времени нужен свой летописец, не только в области исторических событий, но и летописец быта и уклада. Летопись быта с особой резкостью и зримостью приближает к нам прошлое».

Я тоже старался коснуться запомнившихся мне черточек советского быта довоенных и первых послевоенных лет, естественно со скидкой на возраст автора. В этих воспоминаниях нет вымысла. Полагаясь на свою память, я описал свои детские годы такими, какими они были.

Вторую часть книги открывают стихи, как уже печатавшиеся, так и новые, написанные в последние годы. Их автор – не поэт в буквальном смысле этого определения, и вообще человек, довольно далекий от литературного творчества. Тем не менее мои стихи отнюдь не хобби. Они стали частью моей натуры и моей жизни.

Начиналось все с шуток и поздравлений. Постепенно осмысление событий, свидетелем которых был автор, переросло в потребность записывать свои впечатления в стихотворной форме. Я назвал их внутренними монологами. Добавлялись многочисленные поздравления друзьям и знакомым, эпиграммы, лирика, стихи, посвященные любимой жене Светлане. Много я включил в часть вторую этого сборника.

Несколько слов о себе. По профессии я – инженер-градостроитель. Окончил факультет городского строительства и хозяйства Московского инженерно-строительного института им. Куйбышева в 1954 году. Если Одесса дала миру плеяду знаменитых литераторов – Бабеля, Багрицкого, Катаева, Жванецкого, то МИСИ выпестовало свой ряд известных ныне лиц – Э. Кио, Л. Якубовича, Лиона Измайлова и других. В МИСИ учились Высоцкий и Хазанов. В начале эпохи КВН команда нашего института считалась одной из самых сильных. Однако это было уже позже моего пребывания в институте, и судьба не дала мне шанс начать сочинительство в ее рядах.

Вся моя последующая профессиональная деятельность была связана с градостроительством. Более 30 лет, до развала Союза, я трудился в ведущих профильных институтах – Гипрогор, ЦНИИП Градостроительства, Институте реконструкции исторических городов. Вместе с коллегами работал над проектами планировки и застройки Владимира, Суздаля, Казани, Набережных Челнов, Пскова, Великого Новгорода, Дербента, Фрунзе и еще более десятка городов нашей страны и некоторых зарубежных стран – Ирана, Болгарии, Монголии. В составе делегаций участвовал в международных профессиональных конференциях (Женева, Париж, США). В 1984 году вышла моя книга «Организация градостроительного проектирования» (Москва, Стройиздат).

Убежден, постоянное общение с несомненно творческими натурами моих товарищей-архитекторов сыграло определенную роль в увлечении сочинительством. Особенно в Гипрогоре, где по тогдашним временам большой популярностью пользовались «капустники».

Мы брали пример с самодеятельных ансамблей «Кохинор» и «Рейшинка» института Моспроект и готовили свои номера к праздничным вечерам.

Последующие десятилетия были плотно заняты работой, личными делами, поездками. До стихов руки не доходили. Переломным оказался 1982 год (см. главу 6 части второй).

И, как это не удивительно, потребность делиться с окружающими своими мыслями в стихотворной форме проявилась у меня уже после выхода на пенсию!

Не могу не остановиться еще на одном, чрезвычайно важном для меня обстоятельстве. Выйдя в свет, эта книга оставит воспоминание не только обо мне. Я отдаю должное памяти тех, кого уже нет среди живых, и кому я обязан многому, прежде всего любви к труду, вере в добро и его главенству над злом. Тем, кто научил меня быть честным и любить свою родину.

Я кланяюсь своей бабушке Людмиле Константиновне, возившейся со мной малышом и школьником долгие годы. Маме и папе, Елене Васильевне Гусевой и Георгию Анатольевичу Фалееву, поставившим на ноги и давшим главное направление в жизни.

Воспоминания о детстве посвящены моей дочери Марине, так любившей мои стихи. Она ушла от нас трагически рано, после продолжительной болезни, не дождавшись выхода этой книги.

С признательностью вспоминаю школьного друга моего, Володара Лишевского, давшего мне первые уроки литературного труда.

Выражаю благодарность Владимиру Олеговичу Попову за интернет-поддержку рукописи книги.

Спасибо всем, кто был со мной рядом по длинному жизненному пути.

Глава первая. Раннее детство (1932–1939)

Однажды, уже будучи совсем взрослым, в разговоре с мамой я узнал, что родился несколько преждевременно. Что уж было тому причиной, мама не сказала. Тем не менее, вместо положенного апреля я поторопился увидеть Божий свет в феврале. Да не просто, а 29-го, год-то был високосным. По церковному календарю полагалось назвать меня Касьяном. Но в те годы церковь почетом не пользовалась, и имя родители выбрали по своему вкусу. Мне оно тоже нравится.

По гороскопу вышел я как бы «поздней Рыбой», но полагающиеся по срокам черты «Овена» также частично получил. Указанные обстоятельства, видимо, как-то сказались на моем характере.

От Рыб в нем, как утверждают составители гороскопов, душевная тонкость при развитом уме, сильном скептицизме и самоанализе. От Овнов – трудолюбие, но и вспыльчивость, агрессивность и ряд других, не очень приятных качеств. В целом, как утверждает моя жена Светлана, характер сложный. Впрочем, так говорят (даже не связывая характер со знаками зодиака) не менее 98 % всех жен своих мужей.

Появился я на свет в Москве, в Замоскворечье, роддоме на Шаболовке, что рядом с Шуховской телебашней. Оттуда папа привез нас в дом 11 по 2-му Спасоналивковскому переулку. Этот дом был моим все следующие 20 лет жизни.

Сейчас многие сами занимаются поисками предков, или заказывают специалистам составление своих родословных. Приходилось видеть у знакомых целые картины с изображением развесистых генеалогических древ, сучья которых порой украшали фамилии и имена весьма известных личностей. Так ли это на самом деле, или исполнители заказов тешили тщеславие клиентов – оставим на их совести. У других хранятся толстые альбомы с фотографиями, пожелтевшие письма и другие документы, говорящие об истории семьи. Военные ли годы тут виной, или другие повороты судьбы, но у меня ничего подобного не сохранилось, кроме отрывочных детских воспоминаний из рассказов бабушки и родителей. Будучи взрослым, я мог многое уточнить, однако по разным причинам этого не сделал. Вряд ли бы что-то дали и генеалогические изыскания. Слишком много времени прошло. Поэтому буду рассказывать по памяти о самых близких родственниках. Ну а что до генеалогии, согласитесь, важнее, каков ты сам в мыслях и поступках. Висящий на стене портрет пусть даже выдающегося предка тебе самому славы не прибавит. Хотя, чего греха таить, я и сам иногда скромненько так сообщаю: «А вот среди моих, дальних правда, родичей со стороны отца, были потомки самого Миклухо-Маклая...», и жду реакции собеседника. Если он заинтересуется, сообщу, что держал в руках подлинную полевую сумку путешественника и сделанные им фотографии туземцев. Как это случилось, расскажу дальше. А пока позвольте познакомить вас с моими родными.

Дедушка со стороны матери был из крестьян деревни Печины Нижегородской губернии. Знаю об этом со слов мамы. Это место находится где-то на юго-востоке нынешней области, но найти ее на карте мне пока не удалось. Надо думать, дед был достаточно смекалист, ибо сумел выучиться не только грамоте и арифметике. Получив специальное образование в Нижнем Новгороде, стал служить счетоводом, а затем и бухгалтером, позднее перебрался с семьей в Москву. На бабушке Елизавете Дмитриевне женился еще в Нижнем. Она родила ему четверых дочерей. Старшей была тетя Лида, вслед за ней в 1910 году родилась моя мама Елена Васильевна, позже еще две сестры – Зинаида и Юлия. Тетю Лиду в живых я не застал – она скончалась в 1931 году, теток Зину и Юлю помню очень хорошо.

После революции дед Василий работал старшим бухгалтером на фабрике в районе Б.Серпуховской улицы. От фабрики семье деда дали комнату на втором этаже неказистого строения

во дворе нынешнего дома 42. Строение это сохранилось. Сейчас бы мы назвали «это» общежитием, тогда же, если не ошибаюсь, именовалось оно казармой.

Я помню дедушкино жилье очень хорошо, потому что мама с папой часто водили меня туда в гости. Я обожал, держа родителей за руки, высоко подпрыгивать над лужами и выбоинами в асфальте. Дорога к дому дедушки шла по нашему переулку, по Полянке, через Серпуховскую площадь. Путь, надо сказать, не близкий. Не с той ли далекой поры я полюбил дальние пешеходные прогулки? По дороге, как все малыши, я обожал читать названия магазинов. С некоторыми связаны забавные воспоминания. До сих пор, а прошло уже более восьмидесяти лет, я не без опасения поглядываю через боковое стекло автомобиля на сохранившуюся вывеску «Стоматология» на одном из домов на Большой Серпуховке. Мимо него, смеясь, пробегали родители, в шутку пугая меня зубным врачом.

Комната второго этажа, где к этому времени обитали дедушка, бабушка и незамужняя тетя Зина (тетя Юля вышла замуж и ей дали крохотную комнатенку на первом этаже той же казармы), была одной из десятка таких же помещений, площадью метров по 15 каждое. Их объединял длинный коридор. В конце коридора находились общая кухня и примитивные «удобства». Горячей воды не было. Готовили на примусах и керосинках. Коммунальными квартирами в то время мало кого можно было удивить, но это было какое-то уж совсем «обобществленное» жилье. Хотя и был я тогда совсем уж маленьким, все же комнату эту запомнил хорошо. Голые, с дешевой побелкой стены, примитивная мебель, да скудный домашний скраб – вот так и жили многие тогда москвичи.

Жизнь человека, как хорошо известно, во времени нередко развивается по спирали. В одной и той же точке пространства вы можете оказываться в разные годы, нередко через многие десятки лет. В своем рассказе я часто буду говорить об удивительном свойстве человеческой памяти – возвращаться в свое прошлое конкретного места. Это не то, что хорошо известно, как «дежавю» – впечатление, что ты уже был здесь, где на самом деле никогда не был. Нет. Речь о Тебе-Тогда и Тебе-Теперь, в том же самом месте. Иногда, повзрослев сам, ты встречаешь все сохранившимся словно много лет назад. Чаше же все меняется до неузнаваемости. «Господи, да ведь я проходил здесь двадцать лет тому назад! Надо же, а вот тут стоял...» и вы погружаетесь в воспоминания. На примере моей долгой жизни в Москве я сталкиваюсь с этим явлением постоянно.

Ныне я довольно часто проезжаю на машине мимо дедушкиного дома. Что там внутри, не знаю, но фасад тот же. Последний же раз сюда меня привела мама в начале октября 1941 года проститься с дедом. Он тяжело болел. Москву начинали бомбить немцы. Мы уезжали в эвакуацию, и было ясно, что прощание это – навсегда. Помню холодный лоб деда и бабушку, утиравшую слезы. Дедушка не дожил и до семидесяти, его не стало зимой, когда мы были в Чкалове. Бабушка Лиза ненадолго пережила мужа. Их могила находится на Даниловском кладбище, недалеко от места первого захоронения очень чтимой святой Матроны Московской.

Когда в 1982 году ушла из жизни моя мама, она легла к своим родителям. Чуть позже в той же могиле был похоронен прах моих теток – сестер Зинаиды и Юлии. Их жизнь сложилась по-разному. Тетя Зина осталась незамужней. Тетя Юля незадолго до начала войны вышла замуж за военного, лейтенанта-танкиста. В семье родился сын, мой двоюродный брат Дима. После гибели мужа в 1942 году на фронте тетя Юля замуж так больше и не вышла, одна воспитывала сына, но прожила недолго. Какое-то время мы изредка встречались с Димой, но потом жизнь нас развела, и о его судьбе я ничего не знаю. На могиле Гусевых я поставил скромный памятник. Регулярно их всех навещаю.

Ну, а что же по папиной линии? Здесь конкретной информации у меня практически нет. О многом я сейчас догадываюсь, вспоминая обрывки разговоров взрослых и сопоставляя кое-какие факты. Если мамыны предки были крестьяне, то папины однозначно дворяне.

Про своего дедушку с папиной стороны могу сказать немного. Звали его Анатолий Фалеев, был он военным инженером в чине полковника и работал на одном из заводов под Петербургом по артиллерийской части. Судьба его после революции мне неизвестна, да и бабушка ничего о нем не говорила, поскольку были они в разводе, и насколько теперь я понимаю, довольно давно. Папа тоже как-то не рассказывал мне о дедушке, видимо и ему было не очень приятно касаться этой темы.

Правда, довелось мне, уже будучи взрослым, во время командировок в Ленинград, заходить в гости к сводной сестре отца – тете Ляле (так она себя называла, будучи по паспорту все же Раисой, но Ляля более благозвучно). Тетя Ляля была дочерью моего дедушки во втором браке, том самом, что состоялся после развода с бабушкой Людмилой Константиновной. Но и тетка о своем отце ничего не рассказывала.

Когда и при каких обстоятельствах состоялось знакомство бабушки с дедушкой, закончившееся их свадьбой и рождением старшего брата моего папы, дяди Бори, и его самого, мне неизвестно. Знаю, что бабушка родилась и жила в Санкт-Петербурге, закончила вместе со своей сестрой Екатериной институт благородных девиц и, по-видимому, происходила из достаточно обеспеченной семьи. Сужу об этом по косвенным приметам – фотографиям сестер, сделанным в разных городах во время их путешествий по Европе.

Когда я был маленьким и болел, бабушка развлекала меня, давая посмотреть толстые альбомы с этими фотографиями и почтовыми карточками с видами Вены, Парижа и других городов. На многих фото красовались модно и богато одетые сестры Катя и Люда в огромных широкополых по той моде шляпах. Рассматривать открытки и фотографии было жутко интересно. Совершенно уверен, что моя страсть к путешествиям зародилась именно тогда!

По обрывкам разговоров родителей я знал, что бабушка второй раз вышла замуж и уехала из Санкт-Петербурга вместе с сыновьями. Каким образом революционные вихри занесли их на Украину, история умалчивает. Но легендой теперь уже моей семьи был бабушкин рассказ о том, как ее младший сын Юра, окончив гимназию, работал в одном из украинских городов слесарем. Официальная версия гласила, что иметь рабочий стаж было нужно для продолжения образования. Но, довольно много общаясь с отцом в детстве, я видел, как он не только не чурается физического труда, но и просто любит все делать своими руками. А папина работа давала еще и средства к существованию – содержать себя и сына бабушке было сложно (старший брат отца Борис к тому времени уже жил отдельно). Но почему Юра, а не Георгий, как было записано у папы в паспорте? Не знаю, но бабушка иначе как Юрой моего папу не называла!

Одной из любимых моих игрушек был папин зеленый сундучок. В нем он хранил домашние инструменты: отвертки, плоскогубцы и прочее. Но особой гордостью папы был железный молоток. «Я сделал его сам!» – говорил отец, показывая мне, как он обрабатывал металл ручки и бойка в тисках. С детских лет я умел работать отверткой, напильниками и другими инструментами. Свои навыки и любовь к труду отец передал мне, за что я ему необыкновенно благодарен.

Я не осуждаю мужиков, не умеющих делать дома самые элементарные вещи – забить гвоздь, просверлить отверстие в стене дрелью, устроить освещение мойки на кухне. Я их просто жалею, детей их тоже. Это же так важно – не только воспитать в своих детях уважение к любому физическому труду, но и научить делать в общем-то несложные вещи своими руками!

Интернет – это хорошо. Но когда твой ребенок кроме нажатия кнопок разных, извините за выражение, гаджетов ничего больше не умеет делать самостоятельно – это неправильно и, если хотите, ужасно. Не отсюда ли произрастает потребительское отношение ко всему?

Так не хочется, чтобы нынешнее – увы! неуважение к физическому труду отрицательно сказалось на формировании личностей подрастающего поколения. Еще один аспект – появление в таких семьях белоручек, а в более обеспеченных барчуков – «мажоров». Но эта тема требует специального анализа.

Я так и не узнал, когда и при каких обстоятельствах бабушка вернулась в свой родной город, где у нее оставалась сестра, моя двоюродная бабушка Катя. У той уже были за плечами и брак, и развод, и дочь Елена, и небольшая комнатка в коммунальной квартире на Первой линии Васильевского острова. Бабушка жила в семье сестры до момента моего рождения, когда папа попросил ее приехать в Москву помогать маме с маленьким Вовчиком. Оставалась с нами она долго, до момента моего поступления в институт, после чего вернулась в Ленинград. Виделись мы с бабушкой несколько раз, когда я приезжал туда по служебным делам. Познакомился с ее сестрой, тетей Катей, и ее дочерью, тетей Лелей. Та была историком, кандидатом наук, отлично владела итальянским языком. Хорошо помню название ее диссертации: «История сеньории в Ферраре». Тетя Леля была «сливянкой» – фанаткой известного ленинградского тенора Сливинского (как у нас в Москве были «козловитянки» и «лемешистки» – поклонницы знаменитых оперных певцов Козловского и Лемешева), За чаем велись интересные разговоры о буднях ленинградской интеллигенции.

Любимой бабушки моей Людмилы Константиновны не стало в день полета Юрия Гагарина – 12 апреля 1961 года. Увы, так случилось, что на ее похороны я не попал. К счастью, на ее могиле однажды побывал. Переписка с тетей Лелей продолжалась какое-то время, потом постепенно становилась более редкой, пока не оборвалась...

В Ленинграде жили и несколько других наших дальних родственников, из которых личные встречи у меня были только с тетей Лизой. Так я называл одну из троюродных сестер папы. Здесь я немного отвлекусь.

Тетя Лиза, музейный работник, была замужем за Николаем Дмитриевичем Миклухо-Маклаем. Его отец доводился знаменитому этнографу и путешественнику Николаю Николаевичу Миклухо-Маклаю племянником. Как известно, Николай Николаевич после возвращения из последней экспедиции в Новую Гвинею прожил недолго. Он скончался в Петербурге в 1887 году, сорока одного года от роду. Его вдова Маргарита Робертсон, дочь премьер-министра австралийского штата Новый Южный Уэльс, посвятив некоторое время разбору эпистолярного и научного наследия мужа, покинула Петербург и вместе с сыновьями вернулась в Австралию. Часть экспедиционных материалов мужа она передала в распоряжение Императорского Географического Общества. Судьба многих остальных вещей, привезенных Миклухо-Маклаем из Новой Гвинеи, оказалась в руках его сестры.

Возможно этим объясняется появление их части уже в наши дни в доме внучатого племянника путешественника Николая Дмитриевича Миклухо-Маклая, сотрудника Института Этнографии АН СССР.

Позвонив предварительно по телефону тете Лизе, с тортом и букетом подхожу к ее дому на углу 7-ой линии Васильевского острова и набережной Лейтенанта Шмидта. Ба! Вот это да! На фасаде дома, рядом с небольшим портиком с дорическими колоннами вижу мемориальную доску. Оказывается, здесь на втором этаже музей-квартира академика Ивана Петровича Павлова! Открыв дверь первого этажа с табличкой «Н.Д.Миклухо-Маклай», тетя Лиза смеется: «Народ замучил. Приходят в музей Павлова, а тут еще Миклухо-Маклай. Звонят, спрашивают, а у нас музея нет. Хотя кое-что тебе покажу».

В огромной и, судя по обстановке, густонаселенной коммунальной квартире, в которую превращен первый этаж старинного петербургского дома, тете с мужем выделена большая комната. К сожалению, Николай Дмитриевича в этот день я не застал.

Тетя ушла на кухню с намерением вкусно меня покормить, а мне сказала: «Видишь этот шкаф? Поройся в нем, будет интересно». На нижней полке нахожу большую, из грубой кожи и довольно тяжелую сумку с ремнем. Перед глазами всплывает известная фотография – Миклухо-Маклай, через плечо сумка, а рядом туземец. «Что, если это...?»

«Ты не ошибся», – раздаётся голос вошедшей со сковородкой тети, – «это ЕГО сумка. Посмотри, что внутри».

Не знаю, приходилось ли вам, читатель, держать в руках подлинные предметы, имеющие историческую ценность. Именно касаться их, а не рассматривать через толстое стекло витрины музея. Впечатление необыкновенное! Тебя уносит медленное течение реки времени к хозяину раритета, обстановке, в которой он находился... В тот момент это был далекий берег Новой Гвинеи. Из сумки я вынимаю пачку дагерротипов, чуть потемневших от времени.

Хижины папуасов, какие-то обряды, толпа полуобнаженных женщин... Бережно кладу все в шкаф. «Теть, – говорю, – это ж все в музей же надо!». «Обязательно отдадим, никак не соберемся, жалко расставаться». Это был мой единственный визит в дом тети. Вышло так, что приезжая в Ленинград позже, я не застал в живых уже ни ее, ни Николая Дмитриевича. Надеюсь, все раритеты нашли свое место в ленинградских музеях.

К слову. Еще один случай подобного рода был у меня в Тобольске, много лет спустя. Это была командировка по вопросу застройки новой части города для работников строившегося нефтеперерабатывающего завода. Любезные хозяева города устроили нам экскурсию в архив. Я держал в руках подлинный экземпляр следственного дела о покушении на Григория Распутина, с его закорючкой вместо подписи (старец, как известно, был неграмотный), а также пачку копий фотографий. На них был снят Николай Второй с двуручной пилой в руках возле поленицы дров. Снимки были сделаны незадолго до отправки семьи царя в Екатеринбург, где они приняли мученическую смерть в подвале дома Ипатова. Тот же трепет, то же волнение... Прошу простить меня за отступление, но мне казалось, что эти факты покажутся вам интересными.

Теперь о моем отце. В отличие от бабушки папа приехал не в Ленинград, а в Москву.

Имея за плечами рабочую профессию и среднее образование, он поступил в институт машиностроительного профиля. Думается, свою роль в этом решении сыграли гены его отца, военного инженера. По окончании института получил специальность инженера-механика и назначение на один из заводов.

Судя по тому, каким я помню отца в свои детские годы, он был веселым компанейским парнем, увлекался мотоциклом и игрой на гитаре. Маме в ту пору было всего двадцать. После окончания школы она училась в техникуме. Встретились и познакомились мои родители в одной из компаний. Их отношения развивались достаточно бурно, и в 1930 году папа и мама поженились.

Вскоре после этого события папу направили на строящийся новый московский мясокомбинат, впоследствии получивший имя А. И. Микояна. Вероятно, отец хорошо зарекомендовал себя на предыдущем месте работы. Здесь его сразу назначили главным инженером ремонтно-механического завода мясокомбината.

Перед началом войны он вступил в партию, был уже директором завода, а вскоре его назначили главным инженером всего большого предприятия – московского мясокомбината им. Микояна. В этой должности отец проработал все военные годы. На нем, как одним из руководителей предприятия, лежала огромная ответственность за бесперебойное снабжение продукцией комбината действующей армии, населения Москвы, области, а главное – правительства Советского Союза. С последней задачей должен был справляться так называемый «кремлевский цех». В условиях войны эта ответственность была, что называется, «расстрельной».

За обеспечение четкой работы всего оборудования комбината и выполнение спецзаданий Правительства в 1944 году отец был награжден орденом Трудового Красного знамени. После окончания войны его направили на работу в Германию, а по возвращении не родину отец возглавил один из главков Министерства мясной и молочной промышленности СССР. Последние годы жизни (папы не стало в апреле 1968 года) он трудился в Госплане СССР.

Не знаю в силу каких обстоятельств, но о своем брате отец не упоминал. Может быть, я просто не запомнил, но о нем, кажется, не говорила и бабушка.

Дядя Боря неожиданно появился в нашем доме в начале мая 1942 года, проездом откуда-то из одного из уральских городов на фронт. Высокий, в нескладной шинели, он рассказал, что он в чине лейтенанта, пехотинец, направлен в одну из частей Юго-Западного фронта. Как могли, мы его накормили, выслушали короткий рассказ о семье.

Известие о его гибели мы получили уже от его вдовы, спустя полгода. Отношений с ней у моих родителей так и не завязалось.

А что же мама? До моего рождения она окончила техникум, но дальнейшую учебу пришлось временно прервать. Даже когда ей в помощь из Ленинграда приехала бабушка Люда, мама не сразу вернулась к мысли об институте. И хотя она мечтала продолжать образование, видимо в силу каких-то обстоятельств несколько лет ей это не удавалось. Когда я касался этой темы уже взрослым, видно было, что маме неприятны мои расспросы. Все же в 1939 году, сдав экзамены, мама стала студенткой Московского геологоразведочного института. Хорошо помню ее восторг после первых лекций, знакомства с новыми друзьями-студентами, ощущения перемен в жизни. Почему-то особенно мама восхищалась маленькой логарифмической линейкой. Линейку подарил ей папа. Теперь такие линейки можно увидеть лишь в музеях истории техники, а тогда... Это был как бы знак студента технического вуза! Я бережно храню мамину линейку.

Однако мамина жизнь повернулась по-иному. В начале второго курса она поняла, что ждет ребенка. Институт пришлось оставить. Брат мой Павел появился на свет в апреле 1941 года. А вскоре фашисты напали на нашу Родину. Началась война, изменившая жизнь всего народа. Маме так и не удалось получить высшее образование. Впрочем, это не мешало ей всю жизнь оставаться умной женщиной, живо интересующейся новостями культуры и много читающей. В следующих главах я расскажу, как мама со мной и новорожденным братом была в эвакуации, как вся наша семья два с половиной года прожила в Берлине. По возвращении в Москву мама воспитывала брата и оставалась хозяйкой квартиры в Спасоналивковском переулке еще долгих 16 лет. Павел, окончив школу и педагогический институт, в качестве военного переводчика отправился в Ирак. На заработанные там деньги он купил кооперативную квартиру. В то время я уже был женат и жил отдельно. Павел забрал маму на новую квартиру, где она прожила с ним до своей смерти в 1982 году. Сам он женился поздно, детей у него нет. Сейчас на пенсии.

Мой отец Георгий Анатольевич Фалеев (1908–1968)

С мамой Еленой Васильевной (1949)

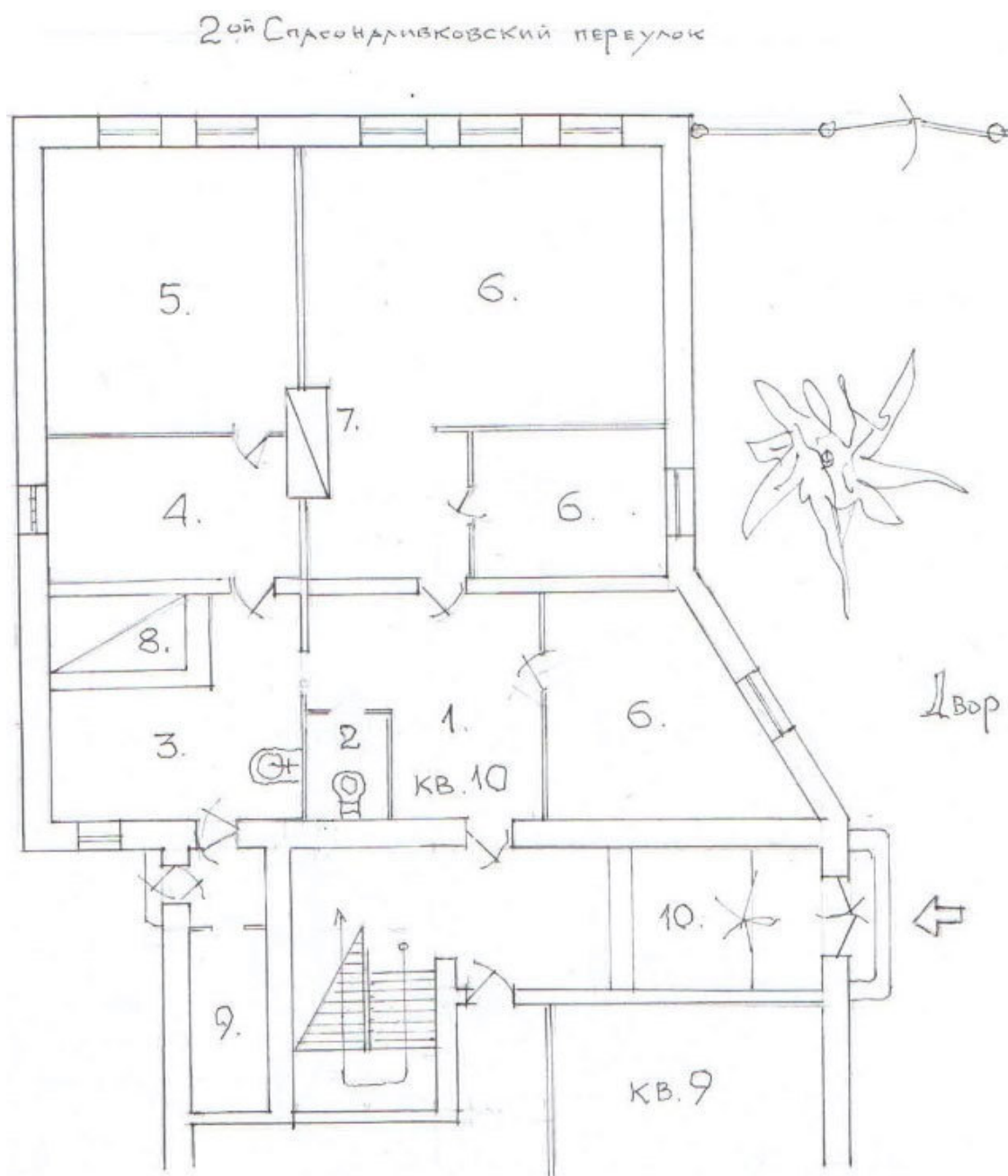
Вот, собственно, основное, что я мог вспомнить о своих близких родственниках. Как видите, в моей родословной переплелись две линии – крестьянская и дворянская. Нет ничего удивительного в том, что благодаря такому происхождению я всю жизнь одинаково уютно чув-

ствовал себя в обществе людей разных социальных слоев. Простых, что называется, работяг, и представителей высокой интеллигенции. Единственное, что в этом смысле одинаково претило мне в отношениях с людьми, независимо от их положения в обществе, это, если так можно выразится, «неоправданная» матерщина. Я – нормальный русский. Сгоряча, в запальчивости, но только в мужском обществе могу выругаться. Но чтобы просто так «разговаривать» нецензурно – извольте. Особенно огорчительно слышать мат из уст подростков, даже девочек-школьниц. Еще более неприятно, когда представители интеллигенции щеголяют нецензурной лексикой. Противно. А что до качеств личности, то по-настоящему хороших людей можно встретить на любой ступеньке общества. Как повезет.

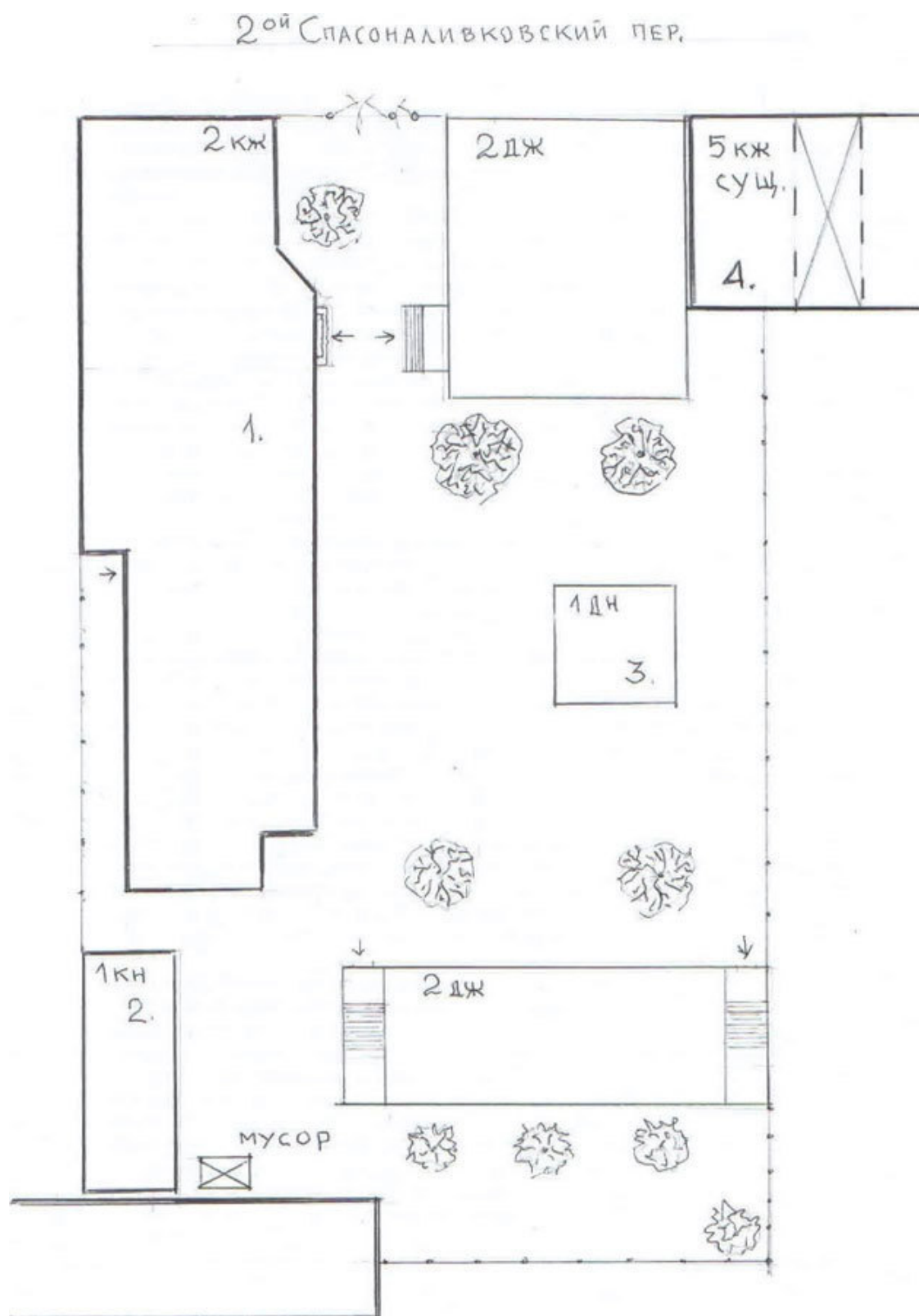
Рассказ о своей семье несколько затянулся. Пора вернуться к маленькому Вовчику.

Новорожденного привезли из роддома в коммунальную квартиру № 10 дома № 11 по 2-му Спасоналивковскому переулку. Описание своей малой Родины – ближайшей части Замоскворечья – я выделил в отдельную главу. Возможно, не всем будет интересно читать описание этого уголка Москвы и рассказ о его истории. Те же, кто решится на это, думаю, узнают кое-что любопытное и новое для себя. В этом мне помогли материалы из книг по истории московских улиц и интернет. Ну, и собственные воспоминания, конечно.

А пока давайте сузим географию моего повествования и попробуем познакомиться с нашими двором, домом и квартирой № 10 (см. рисунки).

Кв.10: 1 – прихожая, 2 – туалет, 3 – кухня, 4 – комната бабушки, 5 – комната родителей, 6 – комнаты соседей, 7 – печка-голландка, 8 – русская печка, 9 – кладовка, 10 – «парадное» с тамбуром

Двор: 1 – наш дом, 2 – сарай для дров, 3 – «сторожка», 4 – сохранившийся дом

Я постарался воспроизвести их по памяти. Сейчас не осталось ни двора, ни нашего дома, ни многих из соседних домов по 2-му Спасоналивковскому переулку... А был он по тем временам неплохим для Замоскворечья – района исторически мещанско-купеческого, с одноэтажной, в основном, деревянной застройкой... Однако наш дом был двухэтажным, из добротного кирпича, с толстыми стенами. Несколько необычный план дома объясняется тем, что архитек-

тор старательно обошел росшее на участке большое дерево – интересный пример бережного отношения к зелени в те времена! Зато в «лихие девяностые» это дерево безжалостно уничтожили вместе с моим домом.

Сейчас понятие «двор» как-то потеряло свое значение. Масштабы жилых зданий, количество жильцов, особенности планировки внутридомовых территорий – все это делает наши дворы как бы немного безликими. Чего уж хотеть от двора, когда мы и соседей по лестничной площадке часто не знаем по имени! А в моем детстве «дворы» всегда был «своими». Это еще подчеркивалось обязательными заборами по периметру – наследию дореволюционного прошлого. Как правило, и не только у нас, в Замоскворечье, дворы были небольшими. И взрослые, и ребята в своих дворах все знали друг – друга по именам, дружили, ругались, веселились, порой все выходили проводить кого-то в последний путь. Вот и наш двор дома № 11 был таким же.

Кроме нашего кирпичного, во дворе были еще два деревянных двухэтажных дома. Была, еще, как мы ее называли, «сторожка». Назначение ее ни тогда, ни тем более теперь я уже не укажу. Это нечто покосившееся, дощатое, стояло заколоченным, и игры наши проходили только возле него, внутрь мы попасть не могли. Был еще дровяной сарай, кирпичный, одноэтажный, с бетонными подвалами. Это сооружение было совершенно необходимым, поскольку все дома отапливались печами. Дрова завозились летом. У каждой семьи был свой отсек, возле которого потом происходил процесс пилки и колки дров.

Еще одна деталь – мусор и пищевые отходы. Это сейчас у нас мусоропроводы в домах и баки и контейнеры на отдельных, как правило, огороженных площадках, откуда отходы вывозятся специальным транспортом. Тогда же все сносилось жильцами в ведрах и опрокидывалось в деревянный ящик, называвшийся «помойкой». Когда пахучее содержимое ящика грозило его переполнить, приезжал мужик на телеге и выгребал мусор вручную, чтобы, погрузив его, куда-то отвезти. Надо заметить, что в нашем дворе место «помойки» выбрано было достаточно удачно.

Никакого покрытия во дворе не было. Все наши игры проходили просто на земле. Летом в жару нас спасала тень от крон нескольких больших деревьев. На выходе в переулок стояли тяжелые деревянные ворота и большая скрипучая калитка с запором. В этом дворе прошло мое детство.

На первом этаже кирпичного дома находились две квартиры – №№ 9 и 10 – наша. Скорее всего, до революции в кв.10 жил хозяин дома. Его я помню. Носил он необычную фамилию Балтрамейчик, звали его Алексей Осипович. Большевики его не тронули, только оставили его семье две комнаты в квартире 9, остальные заселили нуждающимися.

Квартиру 10 отдали двум семьям – Белобородовых и Фалеевых. Соседей было четверо: глава семьи Иван Константинович, бухгалтер, добряк, его жена, дочь – школьница Наташа, и бабушка, которую все звали «бабуней». Они занимали три комнаты, мы – две. Комнаты раньше были смежными, теперь же нас разделяла тоненькая перегородка с запертой дверью и общая печь-голландка. Окна комнат выходили в переулок.

Со двора в дом попадали через так называемое «парадное». Две ступени отделяли тамбур от площадки перед квартирами и лестницей на второй этаж. Место под лестничным маршем пустовало. Однажды я спросил отца: «Пап, а где твой мотоцикл?».

«Ну, мотоцикла уже нет, а вот где я его держал, я тебе покажу. Он достал старую фотографию. На ней красовался довольно большой мотоцикл «Цундапп», прислоненный к стене под той самой лестницей на второй этаж.

К себе в квартиру мы попадали через прихожую, двери из которой вели на кухню с русской печкой, в туалет и в комнаты соседей. Между дверями на небольших вешалках висела наша и соседская верхняя одежда. Возле входа стоял большой сундук, покрытый половичком. Белобородовы привезли его из своего деревенского дома.

Из удобств в квартире был только туалет. Умывались все холодной водой над раковиной на кухне. Готовили на керосинках. Наши две ютились на деревянных ящиках возле входной двери в комнаты семьи Фалеевых. Здесь хлопотала моя бабушка, бывшая выпускница института благородных девиц. Около нее обычно крутился и я.

В этом месте хочется сделать небольшое отступление. По удивительному капризу истории жизнь людей двух разных, с интервалом в сто лет, поколений – бабушкиных и моих сверстников – оказалось поделенной на две разных части.

Выросшая в достатке, в семье с прислугой, путешествовавшая по Европе, модно одевавшаяся дама, а ныне бабушка Людмила Константиновна, пережив личную драму, революцию, отъезд на Украину и жившая до нынешнего времени у сестры в Ленинграде, оказалась востребованной своим сыном и его молодой женой в качестве няньки и кухарки! Я вот думаю сейчас: каково же было ей вынести подобную перемену!? Непростой быт, натянутые отношения с невесткой (скорее всего, брак сына бабушка считала мезальянсом), гонения на религию, а бабушка была очень верующей, – все это делало ее жизнь, мягко говоря, весьма непростой.

И как же я благодарен бабушке, что несмотря на все сказанное, она оставалась доброй и ласковой ко мне, отдавая столько теплоты, и воспитывая во мне самые хорошие чувства... Тогда ведь я был совсем маленьким и не мог ощущать постоянную напряженность в отношениях между мамой и бабушкой, которую, как мог, пытался сглаживать папа. Однако меня эта напряженность, к счастью не касалась. И тогда, и позже бабушка была неизменно спокойна со мной, внимательна и заботлива. Старалась, как могла вкусно кормить, помогала с уроками, охотно отвечала на мои вопросы – а был я отчаянным «почемучкой»! Милая бабушка! Я в долгу перед тобой... Сейчас родственников в Санкт-Петербурге у меня не осталось. В городе на Неве с тех пор я побывал только много лет спустя, да и то проездом. Выкроить несколько часов, чтобы посетить могилу бабушки еще раз, увы, не удалось...

Жизнь моего поколения, которое ныне называют «детьми войны», тоже оказалась поделенной на две очень непохожие части. В Советском Союзе и после его развала. Лично я ощущаю эту огромную разницу не столько в бытовом, сколько в идеологическом плане. Но это, как говорится, совсем другая история, которой я обязательно коснусь позже, и более обстоятельно. Пропась между нашим советским прошлым и нынешним «рыночным» настоящим образовалась не только из-за смены общественно-политического строя в России. Информационная революция в мире, интернет и многие другие факторы психологически невероятно отдалили нас от нашего детства. Но оно осталось внутри нас.

Рассказывая о нем, я хочу, чтобы и вы немного побывали в этих годах жизни Советского Союза.

Поэтому давайте вернемся в начало тридцатых годов XX века. Из кухни можно было попасть в маленькую кладовку. Она была за стеной лестницы на второй этаж дома. Дверь из кладовки вела во двор, это был так называемый «черный ход». Через него мы выносили мусор и приносили дрова для голландок. Русскую печь не топили – дров не напасешься!

На ее лежанке складывали посуду и еще какие-то кухонные вещи. Между большим полотном открытой двери на кухню и русской печкой оставался довольно узкий проход к двери наших комнат.

Соседская «бабуня» жила в отдельной комнате с окнами во двор. Она была очень старенькая, ходила с трудом. Трехлетний хулиган Вовчик прятался за створкой кухонной двери, и когда бабуня ковыляла мимо, выскакивал с криком, пугая бедную старушку и показывая ей свой крохотный кулачок.

«Еще раз выскочишь, накажу», – пригрозила мне моя бабушка. Меня это лишь раззадорило, и я продолжал свои проделки. Методы воспитания у моей бабушки были свои. Она сшила тряпочный мешочек и показала его мне.

«Будешь дразнить бабуню, надену на руку!»

Когда в очередной раз я напугал соседку, бабушка схватила меня и попыталась засунуть мой кулачок в этот мешочек. Силы были неравны. Как я не выворачивался, не визжал, на руке у меня оказался противный мешок. Слезы не помогали. Поревев с часик, я был прощен, но сдаваться не собирался. Прошло несколько дней. Подкараулив старушку, когда она, ничего не подозревая тихонько шла на кухню, я опять выскочил из-за двери. Только на этот раз не махал кулачком, а высунул язык и громко замычал! Бабуне чуть плохо не стало!

Наказание не заставило себя долго ждать. Моя бабушка в приступе педагогической ярости схватила со стола баночку горчицы. Можете себе представить, как я крутился и брыкался!. Язык я успел спрятать, но губы, щеки и кончик носа были крепко вымазаны противной желтой дрянью.

«Запомнишь надолго», – крикнула бабушка Люда. Кто знает, может быть трюк с горчицей относился к бабушкиному опыту института благородных девиц? Но она оказалась права. Горчицу я не пробовал лет до сорока. Не то, что не пробовал, видеть ее не мог! А старушку соседку я оставил в покое. Вот вам и педагогика.

Но пройдем кухню и откроем дверь в наши комнаты. Первая, проходная, была небольшой, метров десять, и полутемной. Ее особенностью было окно. Вместо стекол в раму были вставлены ромбовидные полые стеклянные блоки. Свет они пропускали плохо, зато рассмотреть что-либо сквозь них было невозможно. Это было очень кстати.

Окно находилось низко и выходило в узкий промежуток между нашим и соседним домами. А в этот промежуток предприимчивый сосед-сапожник рядом с нашим окном воткнул свою «мастерскую» размером с носовой платок, которая однако пользовалась популярностью у обитателей близлежащих домов.

В комнате стояли бабушкин диван, небольшой обеденный стол и моя железная кровать с высокими перильцами. Не знаю, каким невероятным образом, но почему-то даже сейчас помню сладковатый вкус краски этих перил. Привстав на цыпочки, я грыз их, когда у меня резались зубы. В этой комнатухе прошло мое раннее детство.

Еще одно, чудом сохранившееся воспоминание. Над входной дверью из кухни висела литография. Это была копия картины Гвидо Рени «Голова Христа». Возможно, бабушке она заменяла отсутствующие иконы. Я часто и подолгу вглядывался в удивительное изображение Спасителя, пытаюсь понять, открыты или закрыты глаза Иисуса, так искусно они были написаны художником. Картину эту я немного побаивался.

Хотя стол возле дивана был небольшим, за ним собиралась вся наша семья – другого места для завтраков, обедов и ужинов не было. Особенно торжественно отмечались праздники. Не только революционные, но и пасха и масленица. Здесь сословные различия между мамой и бабушкой стирались, и они обе увлеченно занимались готовкой.

Минуя проходную, попадаем в комнату родителей. Она была ненамного больше, но светлее. Здесь стояли их кровать, шкаф, топилась печка-голландка. Два довольно высоких окна выходили в переулок. Позже, когда я вырос из детской кровати, папа соорудил для меня топчан – две крестовины из брусьев, связанных продольными досками, а между ними натянутое полотно. Топчан втиснули в комнату ближе к подоконнику. На этом топчане я спал довольно долго, все военные годы.

Теснота не служила помехой и общению родителей с друзьями. Сюда к ним в гости приходили папины приятели со своими инструментами – гитарой и мандолиной. Папа в свое время брал уроки у известного гитариста Иванова-Крамского, и отлично владел инструментом. Иногда, надев на палец медную трубочку, он превращал гитару в «гавайскую», скользя насадкой по струнам. Хотя мне больше нравилась его игра на обычной, семиструнной.

Звуки струнного трио я обожал. Но и тогда, когда отец играл один, я слушал его с восторгом. Папа, перебирая струны, любил напевать старинные романсы: «Калитку», «Не уезжай,

ты мой голубчик», «И вдаль бредет усталый караван»... Став постарше, я уже потихоньку подпевал: «Так иногда, в томительной пустыне, мелькают образы далеких чудных стран, но это призраки, и снова небо сине, и вдаль бредет усталый караван...»

На всю жизнь во мне осталась огромная любовь к музыке, к пению. Мы со Светой, моей женой, удивительным образом помним мелодии и слова множества песен: народных, довоенных, военной поры и советских 50–80 годов. С удовольствием слушаем их, иногда тихонечко подпевая. А один раз, отдыхая на турбазе на Днепре (кстати, в год чернобыльской аварии!) мы устроили небольшой концерт а-капелла на балконе своего номера. Это было попури из всех, что мы вспоминали, песен. Увлечшись, тихонько, как нам казалось, пели до часу ночи. Зато утром в столовой за завтраком нас не только не ругали, но даже благодарили за этот ностальгический «концерт».

А от бабушки Люды перенял я любовь к классической музыке. До сих пор вспоминаю, как она наслаждалась своей любимой увертюрой к опере «Сорока-воровка», ариями из «Кармен» и «Севильского цирюльника», «Блохой» в исполнении Шаляпина... У нас дома сейчас отличные диски с записями моих любимых Моцарта, Шопена, Бизе...

Воспоминания мои о дошкольных годах отрывочны. Вот на полке шкафа фотография: карапуз в матроске и фуражке стоит на пне. «Вовка-капитан». Это парк имения Останкино. Ездили туда, где сейчас телецентр, на трамваях, с пересадками. Возле пруда был дачный поселок, в котором жили наши знакомые. Теперь здесь улица Академика Королева и телебашня...

На лето сами снимали дачу. Память почему-то подсказывает: Хотьково. Это надо же!

У нас сейчас свой участок в садоводческом товариществе недалеко от Хотьково. Когда я проезжаю мимо Хотьковского женского монастыря, что-то шевелится в мозгу – «точно, здесь, только 80 лет назад»... Спираль» жизни... В этом месте все осталось, как было.

Выезд «на дачу» папа обставлял серьезно. Посуда и разный нужный инвентарь складывался в деревянные ящики, паковались тюки, укладывались чемоданы. Я смотрел и запоминал движения его рук, аккуратно и компактно распределяющих вещи по местам.

Вероятно, у всех так. Но у меня точно все это из детства. И музыка, и любовь к песне, и страсть к путешествиям, навык к паковке вещей – учился у родителей и бабушки. Позже, в годы войны, к ним добавятся умение пилить и колоть дрова, и копать землю.

Простите, но я еще раз коснусь больной для меня темы. Я глубоко убежден в том, что обстановка в семье должна воспитывать в ребенке, мальчике и девочке, неважно, любовь и уважение к труду, прежде всего к физическому.

Не смейтесь. Все хорошо: робототехника, интернет, посудомоечные машины и «муж на час», но – и это главное – человек не должен отрываться от того, что собственно и сделало его человеком. От труда. От уважения к людям труда.

Сейчас время, когда этого почему-то нет. Не оттого ли бал правят жадность, нажива, страсть к легкой добыче денег, даже путем жульничества и обмана. Потребитель не хочет думать, кто и как произвел такие желанные для него вещи. Давай! Сегодня и сейчас! Не оттого ли мы получили социально-несправедливое общество с колоссальной разницей в уровнях жизни и доходов?

Великие умы человечества мечтали, что машины освободят людей от тяжелого физического труда и позволят больше заниматься трудом творческим, наукой, искусством, спортом, наконец. Но – полезной, развивающей интеллект и чувство прекрасного деятельностью, а не компьютерными играми. Но пока еще этого нет, пока очень много профессий связано с ручным трудом, общество не имеет права относиться к такому труду неуважительно, или вообще не упоминать о нем. Перекосы в воспитании и небрежение к труду в средствах массовой информации вносят свою лепту в резкое социальное неравенство в нынешней России. Для меня лично советский лозунг «Труд есть дело чести, доблести и геройства» никогда не утратит своей актуальности.

Цибановы жили на Житной. Теперь на месте их двухэтажного домика громоздится нечто стеклобетонное в стиле «хай-тек». А тогда был уютный дворик, маленькая комнатка, диван со слониками на верхней полке, вкусный чай с пирожными. Молодые родители были заняты своими разговорами, а мне давали смотреть картинки и читать книжки.

Другая семья знакомых папы и мамы жила в крохотном домишке в Казанском переулке. Как и у многих тогда, квартира у них была коммунальной. Войдя с улицы, нужно было долго пробираться в полутьме по узкому темному коридору. На стенах висели велосипеды и детские ванночки. Почему-то мне запомнился висевший над соседской дверью портрет смуглого солдата в красной феске с кремневым ружьем за плечами. Теперь я знаю, что это был зуав – солдат французского Иностранного легиона. Мимо него я проходил, изо всех сил вцепившись в папину руку, так было страшно...

Зато как было здорово навещать бабушку с дедушкой!

– Во-о-вчик! – В мамином голосе слышатся веселые нотки. – Собирайся, идем к бабушке!

– А папа?

– И папа с нами! – Сегодня выходной. Конец июня. Жарко. Я быстро надеваю сандалики. Моя правая рука в руке мамы, левая – папы. Замечательно! Можно будет прыгать.

По команде «Раз!» родители подхватывают, я взлетаю, и – через трещину в асфальте, над ямкой, долго-долго не опускаясь (Эти полеты мне будут сниться всю жизнь...)

Тяжелая калитка выпускает нас со двора. Мы идем по нашему переулку в сторону Полянки. Нагретый воздух дрожит над крупными булыжниками мостовой. Из щелей между камнями воробьи выклеивают остатки навоза. У закрытых плотно ворот стоят, покосившись, большие, похожие на головки зеленого сыра гранитные тумбы. К ним извозчики привязывали лошадей, ожидая седоков. Из-под ворот белеют полосы тополиного пуха... Пахнет нагретым камнем и липовым цветом. Мне 4 года. Лето 1936 года.

В кино идут «Веселые ребята», из черной тарелки репродуктора гремит мелодия марша «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...» В Москве появилось метро, СССР вовсю строит социализм. Ильф и Петров уже вывели «в свет» своего Остапа Бендера, готовились к поездке в Америку и начали писать сценарий фильма «Цирк».

Вот и дом 5. Низкие окна полуподвала.

– Папа, а кто здесь живет?

– Сапожник, Петрович. Он твои ботиночки недавно чинил.

Папа тогда не знал, что дом этот знаменит не Петровичем. Недавно, готовя материалы для книги, я узнал, что здесь жил знаменитый русский художник В. М. Васнецов. Достоверно известно, что именно здесь в 1884–85 г.г. он работал над эскизами декораций и костюмов к опере Римского-Корсакова «Снегурочка». Ныне этот и соседние дома куплены ушлыми нуворищами и превращены в офисы. Подробнее об этом в следующей главе.

Мы идем дальше, по Большой Полянке, пересекаем Серпуховскую площадь с паутиной трамвайных путей. Там, где сейчас на углу Люсиновской уютно устроился «Макдональдс», начинается Большая Серпуховская улица. До бабушкиного дома рукой подать. Только вот проскочить страшную вывеску «Зубной врач»... Вот и знакомый дом, я его уже описывал. А встречала нас бабушка так, как только умеют любящие внуков бабушки! Пока она хлопотала с угощением, меня занимала тетя Зина. Из библиотеки, где работала, она приносила книги с картинками, читала мне их и интересно рассказывала разные истории.

Следующим летом папа решил отвезти нас с мамой на море. Путевки достать было трудно, отправились «дикарями». Выбор пал на Лазаревское, недалеко от Сочи. Сняли маленькую хибару, но солнце и море компенсировали молодой семье все неудобства. Тут-то и произошел случай, запомнившийся мне, как принято говорить, на всю оставшуюся жизнь.

Утреннее солнце еще не успело сильно нагреть камушки пляжа. Голой попкой малец Вовка удобно устроился на серой гальке. Народу на пляже было немного, только рядом с папой Юрой, мамой Леной и Вовкой сидела такая же молодая семья. Соседи обстоятельно раскладывали на салфеточке принесенную с собой еду. До нас доносился приятный запах домашних котлет с чесночком. Я был увлечен своей игрой с камушками и не обращал на соседей никакого внимания.

Вовкины, то есть мои, родители очень любили плавать. Как вы понимаете, все, что я сейчас рассказываю, много позже описываемой истории поведала мне мама. Хотя, где-то далеко-далеко в глубинах моего сознания, все же смутно видится эта картинка...

Папе с мамой плавать поодиночке не хотелось. Это было неинтересно. Но и оставлять ребенка одного было страшновато – мало ли что...

– А давай попросим соседей присмотреть за Вовкой, – предложила мама, – они удобно устроились, никуда не денутся!

– Но мы их не знаем, – засомневался отец, хотя было ясно, что ему тоже ужасно хочется поплавать.

– Заодно и познакомимся, – продолжала мама, – они с виду ничего себе, молодые и симпатичные. Мама тоже была молода, а опыт, известное дело, приходит позже.

Солнышко поднималось все выше, его блики играли на лениво плескавшихся волнах и звали окунуться...

Папа Юра не выдержал. Он подошел к соседям и попросил присмотреть за малышом, старательно складывавшим горку плоских камушков. За мной, значит.

«А шо», сказал, прожевывая котлету, загорелый соседский папа, «угу!» – что, очевидно означало согласие «присмотреть».

«Мы быстро», – обрадовано сказал папа. Сунув мне какую-то игрушку, в чем вообще-то не было никакой необходимости, так как я был полностью поглощен галькой, родители помчались к воде. Черное море приняло их стройные тела, и они довольно быстро поплыли в сторону Турции. Надо заметить, что плавали родители очень даже неплохо, и удалились от берега довольно далеко. Ах, молодые годы...

Что было дальше, мама вспоминала не без ужаса.

Увлеченные котлетами соседи даже и не заметили, как доверенное их попечению дитя поднялось и, не обнаружив поблизости маму и папу, неторопливо зашагало в сторону моря. Войдя в воду по грудь, я уверенно, будто проделывал такое не однажды, оттолкнулся от дна Черного моря и...поплыл навстречу родителям! Поплыл! Метра три осилил!

Не увидев сына на берегу, мама издала вполне естественный вопль и рванула к берегу.

Ее скорости позавидовал бы знаменитый Тарзан – олимпийский чемпион по плаванию Джонни Вайсмюллер. В три взмаха она оказалась возле меня!

Поцелуи, тисканье, перемежавшееся незаслуженными, с моей точки зрения, шлепками – все это было уже позже, когда родители подхватили свое чадо и выволокли оное на берег.

Соседи виновато оправдывались, дожевывая свои котлеты, но их уже не слушали.

Вовка поплыл! Самостоятельно!

Вот так я и научился плавать. А могло быть хуже...Испуг, оставшаяся на всю жизнь боязнь воды, а то и вовсе...Но Провидению угодно было не только оставить меня в живых, но и сохранить любовь к воде и плаванию в самых разных водоемах. От океанов и Байкала до крохотных русских речушек и бассейнов при отелях.

– Когда я стал постарше, папа стал брать меня с собой в баню (до этого мыли меня в тазике на кухне, когда соседей не было дома). Ближайшими к нам были Донские бани, что в конце Шаболовки, возле Донского монастыря и кладбища при крематории, а позже – Университета Дружбы народов. Их снесли совсем недавно, в 2015 году. Теперь на их месте огромный жилой дом. А тогда баня была очень востребованным учреждением – централизованное

горячее водоснабжение в домах отсутствовало. Как известно, для русского человека посещение бани всегда было событием. Сходить в баньку, попариться, попить пивка, постричься и побриться – целый набор удовольствий. В Москве бань было много, от шикарных Сандуновских до простых районных. Донские были обычными банями, но как же они были популярны!

Для меня походы с отцом в баню были двойным удовольствием. Работал папа много, виделись мы с ним не часто, а уж поговорить доводилось не всегда. Шли пешком. От дома через Калужскую площадь, вдоль всей Шаболовки, мимо Шуховской телебашни до самых бань. Весь путь порядка четырех, а то и более километров. Еще одна тренировка для детских ножек, но, главное, возможность задать папе массу самых разных вопросов.

Сейчас часто езжу по Шаболовке, и перед глазами отчетливо встает эта картина: зима, мы тепло одеты, тащим бельишко на перемену, полотенца, мыло, мочалки... И говорим, говорим... Папа инженер, интересно объясняет устройство паровой машины, почему не падает самолет... А в бане папа и помыться поможет, и в парикмахерскую отведет. Почему-то запомнился казавшийся тогда странным текст: «Кто стригся до бани, после бани бриться вне очереди». Да что тогда, до войны! Много позже, в пятидесятые годы, уже будучи студентом, я ездил мыться в душевые и бани, только теперь уже самостоятельно, в центр Москвы. В нашей квартире удобств по-прежнему не было.

Зимой родители иногда выбирались походить на лыжах, а еще они очень любили кататься на коньках. Ближайший к нам каток находился в ЦПКиО – Центральном парке культуры и отдыха имени Горького. Свою дружбу с парком и катком я опишу дальше, а пока скажу, что у папы были редкие по тому времени коньки – беговые «норвеги», или «ножи», так их еще называли. Отец отлично чувствовал себя на льду, но от мамы далеко старался не убегать – у нее коньки были попроще, скорее всего «снегурочки».

В военные годы родителям было уже не до коньков, и папины «норвеги» достались мне. Это случилось позже.

А вот с бабушкой я, уже шестилетний пацан, ходил на Калужскую площадь за керосином и разными продуктами.

Калужская площадь! Тогда еще уголок старой, дореволюционной Москвы, что вошел в мою жизнь навсегда. Здесь зародилась моя любовь ко всем уголкам моего родного города, с его Кремлем, Воробьевыми горами, Красной площадью, и тысячами других близких и памятных мне мест, о которых я буду писать в своей книжке! Думаю, что и будущий выбор профессии градостроителя тоже был подсознательно определен прогулками по Москве, и в частности походами на Калужскую площадь и прилегающие к ней улицы.

В ту пору она еще оправдывала свое народное прозвище «сковорода» за круглую в плане форму. В площадь вливались восемь (!) улиц. По периметру застроена она была двух-трехэтажными домами с магазинами в первых. В интернете можно легко найти фото, дающие представление об облике Калужской площади тех лет. Именно такой я ее и запомнил. Булочная на углу Житной, магазин со странным названием «Цекавшири» – что-то означавшее грузинский потребсоюз – на углу Мытной и большой рыбный на том месте, где сейчас вход на станцию метро «Октябрьская» кольцевой линии.

В его огромных, как мне казалось, витринах стояли полки с напоминавшими египетские пирамиды горками банок «СНАТКА». Так назывались знаменитые камчатские крабовые консервы. А рядом... Большие эмалированные тазы, размером с хорошую банную шайку, до верха полные черной икры... Все это было доступно и, вероятно, не очень дорого. В самом магазине вкусно пахло рыбой и морем. Здесь бабушка часто покупала любимую папину навагу, которую дома поджаривала с вкусной рыжеватой корочкой.

Были на площади и промтоварные магазины, но почему-то больше запомнились мои походы с бабушкой в керосиновую лавку. До сих пор ноздри щекочет сладковато-приторный, чуть резковатый запах керосина. Был тогда он привычным, без керосина ведь никуда!

Керосиновая лавка помещалась в группе других магазинов, занимавших треугольный в плане кварталчик на углу Житной и Большой Якиманки. Рядом с кинотеатром «Авангард». Ладно, что соседствовала с керосиновой скобяная лавка, но никого не смущало, что за той располагалась и булочная! Слово «скобяной» теперь вышло из обихода, а товар-то этот – гвозди, крючки, ведра, лопаты – тоже был ох как нужен!

За керосином ходили с бачками. В лавке стояла большая железная бочка, за бочку цеплялась кружка на длинной ручке, емкостью обычно в литр. В горлышко бачка, отвинтив пробку, продавец вставлял воронку и наливал керосин. особо не страшась его пролить. Меня почему-то завораживал этот нехитрый процесс. Бабушка брала литра четыре, чтобы не очень тяжело было тащить, и мы отправлялись домой. Шли мимо здания отделения милиции № 2, стоявшего на углу перекрытого ныне Казанского переулка. Напротив, на другой стороне Житной улицы, находился НИКФИ – Научно-исследовательский кино-фото институт. Он занимал дом бывшей кинофабрики Ханжонкова, первого русского кинопромышленника. Сейчас здесь съезд с Житной в тоннель под площадью.

По Казанскому переулку, мимо сохранившегося и поныне здания б. туберкулезного диспансера, поворачивали в свой, 2-ой Спасоналивковский. Мимо дома № 13, куда меня «водили» в частную детскую группу. В группе была девочка Аля, дочка руководительницы. Я был к ней равнодушен (это в шесть-то лет!), что очевидно уже тогда определило мою прошедшее через всю дальнейшую жизнь повышенное внимание к женскому полу.

Но вот мы и дома. В нарушение всех мыслимых противопожарных требований бачок с керосином спокойно установлен рядом с горящими керосинками. Ничего, обходилось.

Бабушка готовила вкусно. Возможно, этому хорошо учили в институте благородных девиц, а может, бабушка была талантлива от природы. Всего меню не помню, но вот на масленицу и на пасху стол у бабушки и мамы получался необыкновенно вкусным. Надо заметить, что до войны продовольственное снабжение Москвы было очень приличным.

Высокие стопки горячих блинов источали потрясающий аромат. Рядом стоял горшочек с растопленным сливочным маслом, из которого торчало гусиное перо. Им смазывали маслом блины в тарелках, следом поливая сметаной. Даже при достаточно скромном бюджете нашей семьи, мы позволяли себе и немного красной и черной икорки, и красной рыбки.

Пасху же бабушка делала собственноручно, пользуясь специальными дощечками с вырезанными на них буквами Х и В, что означало «Христос воскрес». Пасха с изюмом и корицей получалась в виде пирамидки и была такой вкусной, что это впечатление осталось у меня надолго. Ну, и яйца крашеные, конечно.

Мое дошкольное детство ничем особенным больше не отличалось. Тогда центром наших игр были дворы. До войны, как я уже говорил, участки около жилых домов были огорожены заборами. Каждый двор считался «нашим», а все соседские – «чужими». Между дворами были или дружеские отношения, или вражда. К первым можно было ходить спокойно, играть с ними. С ребятами из других часто случались драки. Поэтому мы, особенно малышня, за ворота своих дворов ходили только с родителями. Тот двор моего детства казался мне таким огромным! И хотя его сейчас уже нет, я все же могу косвенно представить размеры двора дома № 11 по немногим сохранившимся постройкам – он был небольшим. Я изобразил его на рисунке.

В центре двора находилась какая-то странная одноэтажная деревянная постройка, мы называли ее «сторожка». Все наши подвижные малышовые игры проходили возле нее. Одного меня стали «выпускать» во двор лет с пяти. Летом мы играли в «салки», прятки, «классики».

лапту. Позже, уже школьниками, в «отмерялы». Двор был земляной, на нем было удобно чертить линии разметок для разных игр. На крыши домов вели пожарные лестницы. Залезать на них, конечно, строго запрещалось, но повисеть на нижних железных перекладинах было большим удовольствием.

К счастью для жильцов футболом мы тогда не увлекались, стекол оконных не били. Зимой устраивали снежные горки, катались с них на санках. Лыжи и коньки – это было уже позже.

В 1939 году мне исполнилось семь лет. Во дворе дома № 5 нашего переулка стояла школа № 557, куда меня и определили в первый класс.

Глава вторая. Малая родина

Мы все любим свою великую Родину и мечтаем видеть Россию великой державой. Фундамент патриотизма – знание истории своей страны, внимание не только к нашему общему прошлому, но и к истории дорогого для каждого человека места, его «малой родины», места, где он родился.

У каждого своя «малая родина». Это может быть деревня, поселок, небольшой городок. А как быть тем, кто родился в большом городе? В Москве, например, как я? Тогда надо называть район и улицу. Моя «малая родина» – Замоскворечье, Большая Полянка, 2-ой Спасоналивковский переулок. Если чуть шире, то сюда надо добавить и Большую Ордынку (в годы войны я ходил туда в школу), и Якиманку, и Житную – там жили мои школьные товарищи. А Калужская (ныне Октябрьская) площадь, изменившаяся до неузнаваемости, с памятником Ленину и зданиями МВД и Госбанка? Сколько в детстве хожено по ней!

Я понимаю, что не москвичам трудно будет представить себе те места, которые будут описаны далее. И далеко не всем читателям это будет интересно. Но, рассказывая о своих детских и школьных годах, я не могу не говорить об уголках Москвы, где они протекали. Попробую все же заинтересовать вас их историей. Чтобы легче было ориентироваться в расположении мест моей «малой родины», предлагаю посмотреть на схему в интернете. На ней изображена часть Замоскворечья и основные элементы планировки этого древнейшего района Москвы.

Замоскворечье расположено к югу от Кремля в обширной излучине Москвы-реки. С плоским рельефом, некогда частично заболоченное, оно находилось на важном стратегическом направлении – южном. В период доминирования Золотой Орды по дороге, шедшей от Кремля на юг, везли собранную дань. У дороги жили «ордынцы» – сборщики дани. Здесь же располагались и торговцы со своими товарами из Орды. По одной из версий нынешняя улица по ним и получила свое современное название – Большая Ордынка.

Вообще, все названия замоскворецких улиц и переулков (кстати, переулок первоначально – это поперечная улочка, соединяющая две главные) происходят либо от наименования находившихся там церквей, либо связаны с названиями ремесленных слобод (Гончарная, Кадашевская) или мест проживания отдельных групп населения.

На тогдашней южной окраине Замоскворечья располагались склады зерна – «жита».

Неподалеку находилось место, куда пригоняли на продажу скот. Отсюда сохранившиеся названия улиц: Житная, Коровий Вал. Нынешняя Мытная улица – от слова «мыта», т. е. таможенная пошлина. На этом месте стояла государева таможня.

А вот название хорошо известной даже не москвичам Якиманки (ныне она, как продолжение Ленинского проспекта, ведет прямо в центр, к Кремлю) связано с церковью Благовещения в Кадашах, а, точнее, с одним из ее приделов – Иоакима и Анны. Произносимое скороговоркой название было искажено и превратилось в «Якиманку». А кадаши – это мастера по изготовлению бочек и кадушек.

Ну, а что же кроется за названием двух Спасоналивковских переулков? Откуда оно появилось?

Эту загадку, о чем я не без интереса узнал недавно, пытались разгадать не только русские историки. Многие иноземные путешественники – Герберштейн, Олеарий и другие, описывая Москву, не обходили своим вниманием поселение на правом берегу Москвы-реки со странным названием Наливки. Историки указывают на существование нескольких версий. Одну из них дает С. М. Соловьев. В своей «Истории России» он пишет: «В первой половине XVI в. великий князь Василий III выстроил для своих телохранителей («пищальников») в Москве за рекой целый город Нали (Наливки), от слова «наливай», поскольку им одним дозволено было мед и пиво пить когда хотят, и они удалены за реку, чтобы не заражали своим примером других».

Другая гипотеза также относит слободу Наливки ко времени Василия III, однако предполагает расселение здесь иноземцев, находившихся на княжеской службе. Дабы не вводить в смущение русский люд не всегда им понятными нравами иноземцев, тех старались селить в местах удаленных и свободных от коренных жителей. Царь разрешил разместившимся тут иностранцам завести кабак с продажей вина – большая редкость по тем временам.

При Иване IV Грозном, который своим указом поместил здесь многочисленное войско стрельцов, закрепляется название «Наливки». Предположительно, приходившие к проживавшим здесь иностранцам стрельцы говаривали: «Налей-ка!». Плохо понимая русский, те понимали это как обычное приветствие и отвечали тем же. Часть историков вообще полагают, что иностранцы все Замоскворечье называли «Налейки»! Прошло время, наемное войско было отсюда удалено, название стало забываться. Однако уже в XVII в. оно вновь возрождается. Как бы то ни было, с 1642 года в патриарших окладных книгах встречается первое упоминание о церкви Спаса-Преображения, что в Наливках.

Храм был возведен стараниями проживавших здесь стрельцов и был поначалу деревянным. При Петре I, после расправы над стрельцами, их земли в Замоскворечье стали отходить к купцам и ремесленникам, а позднее – к дворянам. В 1713 году уже новые прихожане храма получили разрешение на строительство каменной церкви. За год удалось возвести каменный «Скорбященский» придел, однако дальнейшие работы пришлось остановить – вышел указ Петра I о запрещении каменного строительства в Москве (строился Петербург!). Завершить возведение каменного храма Спаса, что в Наливках, удалось лишь в 1728 году.

История этого храма, возвышавшегося на пересечении двух переулков (ныне это Казанский и 1-ый Спасоналивковский), оборвалась за несколько лет до моего рождения, в 1929 году. Он был снесен, чтобы освободить площадку для строительства двух жилых домов кооператива «Замоскворецкий рабочий» (они сохранились и поныне). В одном из этих домов жил мой школьный товарищ с необычным именем Гега. О наших с ним путешествиях по Москве я еще расскажу.

Замоскворечье конца восемнадцатого – первой половины девятнадцатого века – это огромные кварталы, сплошь застроенные мещанскими и купеческими домишками. Они в основном деревянные, одноэтажные, с мезонинами. Участки при домах большие, зеленые, со всякими надворными постройками. Имело Замоскворечье тогда (да и позже) облик провинциального захолустья. Впечатление В. Г.Белинского: «Там окна занавешаны занавесками, ворота на запор, при ударе в них раздается сердитый лай цепной собаки, все мертво, или лучше сказать, сонно...».

Такой вот неказистый домик стоял на углу Полянки и 1-го Спасоналивковского переулка (ныне дом 44). В 1856 году в него переехал после смерти жены известный художник В. А.Тропинин. Прожил он в нем недолго. После кончины жены уже мало что могло его утешить, даже пение любимых канареек. Умер художник спустя два года. А в моем 2-м Спасоналивковском переулке в доме № 5 жил другой знаменитый русский художник, Виктор Васнецов. Достоверно известно, что именно здесь в 1884–85 г.г. он работал над эскизами декораций и костюмов к опере Римского-Корсакова «Снегурочка».

Был период, когда многие переулки Замоскворечья именовались не как в старину – по названиям церквей или ремесленных слобод, а по фамилиям владельцев стоявших там домов. И мой родной переулок, оказывается, какое-то время назывался Шапкиным, или Шапочным. Нынешнее название вернулось к нему в начале XX века.

Несколько слов еще об одном важном не только для меня, но и для всех москвичей месте – Калужской площади. У нее долгая и славная история. Интересующиеся могут ознакомиться с ней в интернете, я упомяну лишь о некогда бывших здесь воротах Калужской заставы, остроге, торговых рядах, хранилищах зерна и т. д. Через Калужскую площадь 7 октября 1812 года отступала наполеоновская армия, бесславно покидая Москву...

В 1882 году практически в пределах площади, на месте церкви XVII века, был построен на народные средства храм Иконы Казанской Божьей Матери. Он стал архитектурно-историческим мемориалом, памятником освобождения Болгарии от османского владычества в ходе русско-турецкой войны 1877–1888 г.г. Закрытый в 1927 году храм уцелел, лишившись, правда, колокольни и приделов. Он использовался под архив, а в 1935 году его приспособили под кинотеатр «Авангард». Исчезли красивейшее мраморное убранство интерьеров, иконостас и глава храма.

Могу лично подтвердить высказывавшееся тогда мнение многих москвичей – кинотеатр оказался неудачный. Неуютный, с плохой акустикой. Оскверненный храм напоминал о себе унылыми голыми стенами и еще чем-то неуловимо-церковным. Будучи уже постарше, я смотрел здесь с друзьями фильмы «Чапаев», «Истребители», «Подкидыш» с Раневской и Пляттом, «Трактористы» с Петром Алейниковым и Николаем Крючковым.

Судьба храма окончательно решилась в 1972 году. Его «губителем» можно условно считать президента Никсона. Ждали его визита в Москву. Путь в Кремль отныне всегда пролегает через Калужскую площадь. Бесформенную глыбу храма тогдашние власти города посчитали «бельмом в глазу» и ночью, не привлекая внимания, взорвали. Теперь прямехонько на его месте громоздятся безликие здания МВД и Минюста. Словно в оправдание расправы с храмом, уже в последние годы на углу Большой Якиманки и Житной улицы было возведено скромное здание одноименной часовни. Увы! Сколько раз я не проходил мимо, дверь ее неизменно была закрыта. Изящная, но к сожалению, мало посещаемая.

А что же с самой площадью? Сейчас она так изменилась, что ее и площадью-то назвать трудно. Пешеходные кусочки остались лишь у входа в метро, встроенного в здание гостиницы «Варшава», да у поставленного в 1985 году памятника В. И. Ленину. Так, транспортный узел, не более, к тому же не до конца продуманный. А жаль. При более удачном архитектурно-планировочном решении она могла бы стать одной из красивейших на Садовом кольце, с видом на Крымский мост, Парк Горького и дальнюю перспективу Москва-Сити.

Какова же судьба моего переулка? В том виде, каким я его помнил с детства, он сохранился долгие годы. Только где-то в шестидесятые, кажется, годы на месте разрушенного бомбой дома 10 появился безликий панельный жилой дом. Он существует до сих пор. Булыжную мостовую заменили асфальтом. Но главные перемены ждали 2-ой Спасоналивковский в эпоху рыночной экономики. Бывший объектом атаки немецкого аса подземный завод благополучно превратился в офисный центр. Новые законы о частной собственности и возможность продавать и покупать все и вся изменили его статус. Некогда если не захолустное, но очень скромное место на карте Москвы вдруг оказалось чрезвычайно престижным из-за близости к центру и к самому Кремлю! Первыми этим воспользовались некие личности, купившие ряд домов от 11 до 19, что на углу Казанского переулка. Все они были безжалостно снесены. Проявив завидную предприимчивость, новые хозяева построили на месте моего дома здание фитнес-клуба, а остальную часть земли отдали под другие объекты. Так погибло сердце моей «малой родины». Сохранились несколько домов ближе к Большой Полянке, в том числе тот, где творил художник Васнецов. В них разместились офисы представительств Тюменской области и Ханты-Мансийского национального округа в Москве. Теперь мой тихий переулок забит автомобилями так, что не то что припарковаться – проехать почти невозможно!

В восстановленном после бомбежки крыле дома 50 по Б.Полянке, сменяя друг друга, поселились банки. Но самое необыкновенное произошло буквально в последние годы с группой домов, что на углу, образуемом 1-м и 2-м Спасоналивковскими переулками. Откройте, читатель, интернет. Найдите рекламу элитной недвижимости под названием «Полянка 44» и приценитесь хотя бы к одной из квартир. Пример уродливой действительности «рынка» у вас перед глазами. Как вам цена квартиры в сотню миллионов рублей? В этот жилой комплекс

с крохотным внутренним двориком вошел и бывший подземный завод – дом 6 (я о нем расскажу в следующей главе). Теснота, минимум зелени, неудобное положение с точки зрения транспортной доступности, но зато – близость аж к Кремлю! Ах, о tempora, о mores! На серии фотографий в интернете можно увидеть настоящее моей «малой родины». Время от времени я проезжаю по своему переулку на машине или с грустью, не спеша, хожу пешком...

Несколько слов о судьбе всего Замоскворечья. Принимая участие в разработке генеральных планов многих исторических городов, я привык к разработке в их составе схем охраняемых зон памятников истории и архитектуры. В нашем случае таким памятником следовало бы считать Замоскворечье, и вот почему. Во многих европейских городах бережно сохранены исторические центры с их планировкой и застройкой. В Москве таким центром был и остается Кремль. Но историкам хорошо известно, что к ансамблю Кремля относилась и часть территории за Москвой-рекой (сады и др.) К сожалению, никаких попыток избежать утраты многих архитектурных акцентов этой части Замоскворечья не предпринималось. Более того, при составлении т. наз. «сталинского» генерального плана Москвы 1935 года намечалась прокладка по историческим частям Замоскворечья новой магистрали – для замыкания Бульварного кольца. По красным линиям будущей магистрали успели выстроить здания Радиокomiteта возле нынешнего вестибюля станции метро Новокузнецкая и известный Дом писателей в Лаврушинском переулке напротив здания Третьяковской галереи. Война помешала этим замыслам. Остались спасены многие храмы и исторические здания, формировавшие облик этой части старой Москвы. Но в последнее время в тихих переулках и тесных дворах Замоскворечья стали появляться, как бородавки на здоровом теле совершенно чужеродные по архитектуре и функциям здания офисов. Очень жаль. Остается надеяться, что новое руководство города покончит с этой порочной практикой точечной застройки и поручит специалистам разработку комплексного проекта охранных зон объектов, определяющих исторический облик Замоскворечья. Сколько интереснейших экскурсий можно будет провести по этой части Москвы!

У читателя может возникнуть вполне законный вопрос: «А к чему столь длинное описание места рождения автора?» Отвечаю. Каждому должна быть безразлична история своей «Малой родины». Также, как и история своего рода, фамилии. Не потому ли сейчас нам так остро недостает настоящего, а не «квасного», патриотизма, что мы забываем замечательную пословицу, которую Расул Гамзатов сделал эпиграфом к книге «Мой Дагестан»: «Если ты выстрелишь в свое прошлое из пистолета, будущее выстрелит в тебя из пушки»? И безуспешные поиски «национальной» идеи не есть ли следствие неуважительного отношения к славному прошлому России?

Пусть каждый вспомнит свое прошлое, покопается в нем поглубже, тогда может из этой мозаики сложится картина Великой Страны. Какие прекрасные слова из песни: «С чего начинается Родина? С картинки в твоем букваре...» Далекое близкое детство...

Глава третья. Я иду в школу. Начало войны (1939 – сентябрь 1941 г.)

Здание средней школы № 557, где мне предстояло отгрызть первый кусок гранита науки, сохранилось и поныне. Типовое сооружение красного кирпича стоит в квартале между нашим переулком и Житной улицей. В годы Великой Отечественной войны в школе помещался госпиталь, потом опять учились дети, теперь – факультет культуры и искусства учреждения, спрятавшегося под аббревиатурой ПМОК.

Не правда ли, страсть к аббревиатурам и сокращениям у нас какая-то болезненная и постоянная. Что в революционные годы (ПЕРСИМФАНС – Первый симфонический ансамбль), что позже, в советское время (ОСОАВИАХИМ, ГТО и т. д.). Вот и теперь, особенно в официальных документах, встречаешь такие словесные перлы, что оторопь берет. Как вам – «МРО № 7 УБЭиПК ГУ МВД РФ по Ростовской области?» Так что ПМОК еще ничего, хотя и непонятно.

В отличие от многих продвинутых соотечественников, к стыду своему, имя первой своей учительницы не помню. Вела она с нами занятия по всем предметам. Все и было интересно, занимался я с удовольствием. Особо благодарен я своему первому педагогу за отличное преподавание русского языка и полученную в результате практически безукоризненную грамотность. Конечно, этому помогло еще и чтение. Книг у нас в семье было много. Читать я начал довольно рано, и к первому классу читал бегло. Брал книги в школьной библиотеке, и как все мальчишки предпочитал путешествия и приключения.

Жизнь идет вперед, и не всегда ясно, насколько технический прогресс способствует интеллектуальному развитию общества. Колоссальный рывок информационного мира XXI века и появление «всемирной паутины» принципиально изменили отношение к чтению моих нынешних сверстников.

А тогда из всех средств познания мира, не считая черных тарелок громкоговорителей, для нас, малышей, были только разговоры со взрослыми, дома и в школе, и, конечно, книги. Ну и немножко кино, но только когда мы стали постарше.

Не буду цитировать великих. Не стану повторять мудрые изречения о пользе чтения. Ибо то, что мы наблюдаем сегодня, в начале XXI века, как нельзя убедительней подтверждает их мысли. Интернет – величайшее изобретение человечества, но при одном, очень важном условии. Как и всеми другими прорывами в области технического прогресса, и, в частности, информатики, им нужно уметь пользоваться. Доказательство тому – вопиющее надругательство над родным языком и грамотностью в так называемых «социальных сетях». По одной простой причине. Нынешние школьники мало и плохо читают.

Не знаю, может быть я ворчу по-стариковски. Но мне кажется, что никто не в состоянии получить то удивительно сильное эмоциональное впечатление от любого из литературных шедевров, каковое постигнет вас при чтении печатного текста добротной изданной книги. Возможно, время меня поправит и электронные книги вытеснят печатные. Но верить в это не хочется, а думать неприятно.

А что же мы, пацаны 30-х годов? Все время, остававшееся от школы, приготовления уроков и гуляния во дворе, мы – я и мои сверстники – читали. Брели книги друг у друга, записывались в библиотеки и читальные залы, читали вечерами и ночами, пряча книжки под подушкой. Отбивались от пиратов на таинственном острове Жюль Верна, скакали вместе с мушкетерами Александра Дюма за подвесками королевы, следили за приключениями всадника без головы Майн Рида. А детские книжки тех лет – стихи Маршака, Чуковского, Агнии Барто – знали наизусть.

Друзья наши книги – культурный фундамент нации. Дикое засорение родного языка чужеродными словечками – прямое следствие небрежения к его истокам и шедеврам. Так же, как и вопиющая безграмотность устной речи и, особенно, переписки в социальных сетях. Еще одна печальная особенность нынешнего интеллектуального пространства – практически полное забвение русского фольклора. Мы, дети тридцатых годов, жили в атмосфере народных песен, сказок, пословиц и поговорок. Весь богатейший пласт народной словесной мудрости сейчас, увы, исчезает. Все это не что иное, как агрессия в отношении духовного стержня национальной идентичности – русского языка. Народная песня практически исчезла из телевизионного эфира.

Его замусорили иноязычные произведения. Дошло до того, что в конкурсе «Голос. Дети» очаровательная малышка старается, вытаращив глазенки, петь на английском языке! А спросить ее, знает ли она «Одеяло убежало...», «Наша Таня горько плачет...», «Муху-цокотуху?» Ужасно! Зачем мы юное поколение практически сознательно отваживаем от исторических корней русской идентичности? Не поступаемся ли мы своей национальной гордостью? Еще раз повторю. Россия обречена идти своей дорогой. Отличной от дороги англосаксонского мира. Уже сейчас очень многие, в том числе и на Западе, начинают сомневаться в целесообразности «глобализации» матушки-Земли. Очень надеюсь, что принимаемые сейчас поправки к Конституции РФ выправят эти перекосы. Вернут уважение к нашему «великому и могучему», и наши молодые журналисты перестанут щеголять лайфхаками, краундсорсингами и прочими фастфудами. В мое время это справедливо звали низкопоклонством.

Каникулы после первого класса я проводил дома. Играл во дворе с мальчишками и девочками в «салки», «стой!» (это когда после броска мяча вверх все разбегаются, а тот, кто «водит», ловит мяч, кричит «стой!», все замирают, а он старается попасть мячом в любого, чтобы его «выбить»), и конечно в прятки! У нас, первоклашек, была своя дружная компания. До войны все дворы были огорожены. Заборы исчезли позже, в войну, когда их разобрали на дрова. Поэтому родители спокойно выпускали играть во двор даже малышей. Посторонние во дворы практически не заходили, да к тому же тогда преступлений против детей практически не было в силу большой строгости наказаний. Да и нравственный климат тогда был иным. Слово «педофилия» в лексиконе советских людей отсутствовало.

В мае 1941 года я отличником окончил второй класс. Папа решил сделать мне подарок. За хорошую работу его премировали путевкой для сына в знаменитый пионерлагерь Артек. Смена в лагере начиналась в середине июня.

Мама, папа и бабушка, волнуясь и споря, собирали Вовчику чемодан. Главным «укладывающим» выступал папа. Именно от его аккуратной манеры я научился паковать вещи на всю свою взрослую жизнь. А попутешествовать по белу свету довелось немало. Отряд малышей (мне было 9 лет) выстроился на перроне Курского вокзала. Родители волновались больше нас. А мы уже мечтали о Крыме, море и Артеке!

Почему-то дорогу из Москвы до Симферополя, да и сам лагерь я почти не запомнил. Мы приехали в Артек числа 19 июня, едва успели разместиться в палатах и только-только стали привыкать к распорядку. Даже купаться в море нас еще не водили. И вдруг вожатые забежали: «Война!» 22-го фашисты напали на СССР.

Всех ребят первой смены нужно было срочно эвакуировать. Паники не было, но тревога взрослых передалась и нам. Почему-то вспоминаю, как нас быстро-быстро посадили в вагоны поезда в Симферополе, сунув наскоро каждому какую-то еду на дорогу. Слава Богу, состав наш по дороге в Москву не бомбили. Перепуганные вожатые особо за нами не следили, в результате мы объедались выданной нам сгущенкой, конечно не понимая, что теперь мы ее долго-долго не увидим и не попробуем. Так для меня закончился, не начавшись, Артек.

Москва встретила нас притихшей и сразу насторожившейся. В военкоматах срочно шел призыв, стояли очереди – многие приходили туда добровольно.

Отец был мобилизован по месту работы. На нем, как и на других руководителях комбината, лежала большая ответственность за снабжение Москвы, армии и правительства страны продукцией. И это в условиях военного времени, с нарушенными поставками сырья, дефицита электроэнергии и топлива. Чтобы обеспечить строжайшую дисциплину (за воровство расстреливали), работу в три смены и контроль за возможными диверсиями, на комбинате и на других крупных предприятиях Москвы руководство было обязано не покидать свои рабочие места круглосуточно. Отпускали домой редко и ненадолго. Хорошо еще папа смог встретить меня на Курском вокзале и отвести домой. Мама была целиком занята грудным ребенком, моим братиком Павлом. Война диктовала свои правила жизни. По городу пошли слухи о возможных бомбардировках. На улицах и скверах появились группы девушек в военной форме. На привязи у них шевелились большие серебристые «рыбы» – аэростаты воздушного заграждения. Кое-где были окопы и устанавливали зенитки. Москва готовилась к воздушным налетам фашистов.

Во дворах жилых домов жители копали так называемые «щели», так окрестил народ двухметровой глубины окопчики с легкими перекрытиями-накатами из бревнышек. Кое-кто посмеивался, оказалось – напрасно, у нас эта щель людей спасла.

Еще очень полезными оказались наклейки крест на крест из бумажных полосок на окнах. Выбитое взрывной волной стекло не разлетается на опасные осколки. Сильная воздушная волна выдавливает стекло как бы целиком, или крупными, менее травмоопасными, частями.

Пока еще оставались в семьях запасы муки, разводили мучной клейстер, которым и мазали вырезанные в основном из газет полосы. Их лепили на окна. А сами окна тщательно завешивали шторами, или приспособляли что-нибудь другое, тоже светонепроницаемое. По улицам ходили патрули и смотрели, нет ли где щелок, пропускающих свет. За нарушение штрафовали. Этим Москва защищала себя от прицельного бомбометания во время ночных немецких налетов. Я тоже помогал маме и бабушке, разрезая на полоски газетные листы. Самодельной кистью из ниток мы их мазали мучным клеем и приклеивали к стеклам.

Спешно велись работы по маскировке наиболее важных зданий. Кремлевские звезды укрыли брезентом, золотые купола соборов закрасили в камуфляжные тона. Мавзолей Ленина был закрыт щитами, здесь, и для маскировки других правительственных зданий, использовались маскировочные сетки. На Москве-реке установили платформы с макетами зданий. Асфальт улиц и дорожек скверов был разрисован под крыши домов и кроны деревьев. Все это должно было сбивать с толку немецких пилотов, сбрасывающих на город осветительные ракеты.

Конечно, всего этого я тогда видеть не мог – у нас в переулке все было пока тихо. Разве что во дворе напротив вырыли щель. Но об этом чуть позже.

Первый налет немецких бомбардировщиков на Москву состоялся ровно через месяц после начала войны – 22 июля. Четырьмя колоннами двести двадцать тяжелых машин на высоте от двух до трех километров пять часов бомбили столицу. Следующей ночью их было уже больше. Сейчас об этом как-то не принято вспоминать, но тогда москвичам пришлось нелегко.

Прорываясь сквозь плотный огонь зениток, ускользя из перекрестий лучей прожекторов, отражая атаки наших истребителей, фашисты все же смогли нанести ряд хоть и не очень серьезных, но чувствительных ударов по Москве. Пострадал метромост, станция метро Арбатская, одна бомба взорвалась возле Никольской башни Кремля, другая – у Дома Правительства. Взрывной волной был опрокинут памятник Тимирязеву у Никитских ворот. Погибли первые москвичи.

О налетах предупреждали гудки сирен и сообщения по радио. «Внимание, внимание! Граждане, воздушная тревога!», и так несколько раз подряд. Кто-то, схватив детей, бежал в убежища. Там, где были вырыты «щели», прятались в них. Самым надежным укрытием был метрополитен. После объявления о воздушной тревоге все эскалаторы на каждой из станций начинали работать на спуск. В первую очередь, конечно, вниз пропускали женщин с детьми, стариков и инвалидов. С платформ по приставным лесенкам они спускались на рельсы и уходили в тоннели. Понято, что электричество от токопроводящих шин отключалось. Иногда матери с детьми и старики оставались ночевать на полу станций на заранее заготовленных матрасах. Но станций метро тогда было немного. Риск пострадать во время налетов оставался большим.

Конечно, наибольшая опасность возникала от прямых попаданий авиабомб, их осколков и рушащихся от взрывов построек. Но не исключалась возможность поражений осколками зенитных снарядов, такой плотный заградительный огонь велся по немецким самолетам. Очевидец, британский журналист, позже вспоминал: «Шрапнель зенитных снарядов барабанила по улицам, точно град. Десятки прожекторов освещали небо. В Лондоне мне не приходилось ни видеть, ни слышать ничего подобного».

Только за месяц налетов в Москве погибли 740 человек, раненых было более 3500. За все время воздушных атак на столицу (последний налет случился в июне 43-го) погибли свыше 2000 москвичей, почти 6000 человек были ранены.

Сейчас, к сожалению, о подвиге жителей Москвы в первые месяцы войны почти не вспоминают. А жаль. Паники не было совсем. Люди продолжали работать, ухаживали за поступавшими в московские госпитали ранеными, заботились о детях и стариках. Суровость времени передалась всем. Город притих, но было ясно, что Москва выстоит.

В небе над городом висели аэростаты воздушного заграждения. Темно-бордовое вечернее небо резали белые полосы прожекторных лучей. В их перекрестие зенитчики ловили немецкие самолеты и били по ним плотным огнем. Надо сказать, что отличная организация противовоздушной обороны Москвы не позволила фашистам нанести городу хоть сколько ни будь заметный урон! Не пострадал Кремль, крупные промышленные предприятия, исторические и культурные памятники Москвы. Враг просчитался!

Между тем обстановка на фронтах Великой отечественной войны оставалась крайне тяжелой. Наши войска вели оборонительные бои, неся тяжелые потери. Немцы упорно рвались к Москве. С северо-запада вели наступление на столицу отборные немецкие части.

Много лет спустя, когда мы поженились со Светланой, я узнал о гибели ее отца как раз на этом направлении, в районе деревни Хлебаниха одного из районов Калининской области (теперь городу Калинин возвращено его историческое название – Тверь). В их семье сохранилась «похоронка» – так называли приходившие с фронтов извещения о гибели родственников.

Светлана рассказала, что ее отец, работавший инженером на Московском метрополитене и имевший бронь, т. е. освобождение от призыва на фронт, добровольно отправился в военкомат. По своей военной специальности пулеметчика был направлен на Калининский фронт. Он погиб 30 июля 1941 года, прикрывая огнем отход солдат своей части. В «похоронке» значилось место его захоронения в братской могиле.

Узнав, что попытки разыскать могилу отца до сих пор не удались, я предложил продолжить поиски места его гибели, тем более что в это время поднялось общественное движение по поискам павших на войне солдат. С особой теплотой и надеждой на мое предложение откликнулась Светина мама, моя теща. Мы написали письма в областные военкоматы Калинина и Пскова – теперь деревня Хлебаниха по административному делению оказалась в Псковской области. Какие замечательные люди оказались в этих организациях! Низкий им поклон. Скоро пришел ответ: пулеметчик Грозовский Семен Самойлович похоронен в братской могиле, что

в селе Усмынь Куньинского района, что недалеко от Великих Лук. Внимательные сотрудники военкомата объяснили, как туда добраться из Москвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.